

рицательно: «Он ни в чем не оставил нам уроков ... язык его, слог его, формы его ... — все это в наше время почти без цены» (II, 166). Тем не менее Сумароков для Вяземского «одно из замечательнейших лиц в литературе нашей» (там же). Сам участвовавший в полемике вокруг «литературного аристократизма» и «торгового направления», Вяземский ценил в Сумарокове прежде всего страстного полемиста. Но и тут «раздражительный», «вольтеровский» характер Сумарокова как полемиста стоит гораздо выше отживших предметов его полемик.

Под конец своей статьи Вяземский о Сумарокове отзывается более положительно: «Если Сумароков не был гениален, то в свое время он был, без сомнения, очень умный и талантливый писатель, и в этом отношении, вероятно, выше всех своих современников и совместников» (II, 173). Больше всего Вяземский в Сумарокове ценил, что тот «первый внес себя и окружающую жизнь в литературу свою» (там же). С этой точки зрения Вяземский опять упрекает Ломоносова: «Ломоносов с своими одами царствовал на Олимпе, многим недоступном; в кабинете учеными трудами своими был он равно вдалеке от текущей жизни и почти вне ее» (II, 174). Важное значение для развития русской драмы Вяземский приписал тому обстоятельству, что в области трагедии Сумароков выбрал для своих подражаний французов, а не англичан.<sup>17</sup> Отметим еще, что в 1829 г. Вяземский хотел издать два тома избранных сочинений его и думал «извлечь» самое ценное из обширного наследия Сумарокова.<sup>18</sup>

Как известно, Вяземский написал о Фонвизине целую книгу, первую, кажется, монографию вообще, посвященную русскому писателю. Нельзя, конечно, предъявить к этому труду, возникшему в 1830 г., требования современной научной методологии. Вяземский никогда ученым не был. Он остался писателем-эссеистом и в своей книге о Фонвизине. Кроме эссенцистической части, посвященной не только жизни и творчеству Фонвизина,<sup>19</sup> но и характеристике времени Екатерины II вообще, книга Вяземского содержит и документальную часть. Последняя сохранила свое значение до настоящего времени, хотя автор новейшей монографии о Фонвизине, Г. П. Макогоненко, указал на произвол в обращении Вяземского с архивными и другими материалами.

От автора книги о Фонвизине следовало бы ожидать, что в какой-то мере он будет восхищаться предметом своей литературно-исторической деятельности. Оказывается, однако, что Вяземский отнесся довольно скептически к заслугам и достоинству

---

<sup>17</sup> См.: П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 38. Там же меткие наблюдения и оценки Сумарокова с эстетической точки зрения (стр. 43—44).

<sup>18</sup> Там же, стр. 144 и 421.

<sup>19</sup> См. перепечатку в кн.: Русская поэзия, вып. V. Под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1895, стр. 853—869.